

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (57)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (57)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

- Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

- Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Замятина Н.Ю.^a, Лярская Е.В.^{b, *}

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ГСП-1, Ленинские горы, Москва, 119234

^b Европейский университет в Санкт-Петербурге, Гагаринская ул., 6/1, Санкт-Петербург, 191187
E-mail: zamyatina@geogr.msu.ru (Замятина Н.Ю.); rica@eu.spb.ru (Лярская Е.В.)

ЛЮДИ АРКТИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАНСЛОКАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВАМ

Статья написана по результатам проекта «Арктические связи: люди и инфраструктуры» и фокусируется на социальных связях населения Арктики с жителями других регионов. Используются концепции транснационализма и транслокальности; количественные данные Росстата по миграционным потокам между регионами России за 2015–2019 гг. и качественные данные полевых исследований. Благодаря социальным сетям «северные» и «несеверные» регионы взаимосвязаны друг с другом; наличие таких дальних связей определяет одну из специфических особенностей развития Арктики, влияющих и на страну в целом.

Ключевые слова: Арктика, транслокальные сообщества, миграции, концепция *proximity*, агломерация потоков.

Введение

Существуют различные подходы к анализу миграций в Арктике; чаще всего, говоря об этом явлении, исследователи сосредотачиваются на объяснении причин, подталкивающих людей к совершению переезда (экономических, исторических и т.д.). Мы же в своей статье хотим перенести внимание с причин на механизмы миграции, на ту роль, которую играют в этом процессе социальные связи населения, и на то, какое значение эти социальные связи, растянутые в пространстве (транслокальные связи), имеют для людей и для Арктического региона. Для решения этой задачи мы попробуем объединить географический и антропологический подходы к миграции.

Материалом для этой статьи послужили как количественные данные Росстата по миграционным потокам между регионами России за 2015–2019 гг., так и собранные авторами и их коллегами¹ в ходе полевых исследований в различных городах и поселках Арктики качественные данные. Как правило, при обсуждении проблем миграции в районах Крайнего Севера и Арктики поднимается тема оттока населения, потери этой частью России социального капитала (см., напр.: [Фаузер и др., 2016]).

Регион исследования. Понятия «Север» («Крайний Север») и «Арктика» относятся к частично пересекающимся территориям северной части России и могут быть определены по-разному, в зависимости от задач исследования или управления. Так, с точки зрения российских официальных документов это различные понятия: территория Крайнего Севера — более обширная. В Трудовом кодексе Российской Федерации закреплены льготы для людей, работающих на территории Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях (такие как дополнительный отпуск, северные коэффициенты к заработной плате и надбавки к стажу, зависящие от срока работы на Севере, и др.). Эта сохраняющаяся и по сей день система северных льгот складывалась в СССР постепенно, на протяжении десятилетий. Задача этой системы — привлечь население на Север, т.е. с миграционной ситуацией она связана прямо и непосредственно. Понятие «Крайний Север» используется также в сфере законодательства, относящегося к национальной политике (ср. понятие «коренные малочисленные народы Севера»), однако эта область не рассматривается в данной статье. В свою очередь, «Арктика» как юридическое понятие возникло значительно позднее, в 2008 г., когда были приняты Основы госполитики Российской Федерации в Арктике, и только в 2020 г. появилась законодательно закреплённая система мер, определяющих особый экономиче-

* Corresponding author.

¹ Большая часть полевых материалов была собрана авторами и их коллегами В.В. Васильевой, К.А. Гавриловой, К.В. Истоминым, Е.Л. Капустиной и А.И. Карасевой в ходе работы над проектом «Арктические связи: люди и инфраструктуры».

ский режим на территории Арктики. Границы Арктической зоны Российской Федерации закреплены законодательно (рис.) и, по сути, включают северную часть «Крайнего Севера». Как и в случае с «Крайним Севером», миграционная тематика является важной частью государственной политики в отношении Арктики. В частности, в действующей Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации один из двух целевых демографических показателей — миграционный прирост, упомянутый наряду с ожидаемой продолжительностью жизни. К 2030 г. его предлагается вывести на нулевой уровень, а к 2035-му в Российской Арктике планируется положительный миграционный прирост [Указ..., 2020].

Миграционная ситуация в регионе. С точки зрения статистики, действительно, во многих районах Севера (включая Арктику) в 1990–2000-е произошла существенная потеря населения. Так, например, на Чукотке, на севере Якутии, в границах городского округа Воркута (Республика Коми) городское население составляет в настоящий момент всего 30–45 % от «позднесоветского» уровня, примерно на треть сократилось население Мурманской области, и т.д. В значительной степени такой «обвал» численности населения был связан с непосредственным выездом людей с Севера [Heleniak, 1999, 2009; Кумо, 2007; Kumo & Litvinenko, 2020; и др.].

Северные и Арктические регионы России и сегодня дают весомую часть всего миграционного потока страны — особенно в сравнении с численностью своего населения. По официальной статистике, численность населения Арктической зоны в 2018 г. составила 2,4 млн чел., или около 1,6 % населения страны. При этом доля миграционных выбытий из этого региона превышает 5 % от общестранового объема (в 2018 г. — 139 тыс. выбытий). Похожая ситуация наблюдается и в так называемых районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (особенности определения см. далее, в методическом разделе статьи): при доле населения в 6,7 % доля в миграционных выбытиях превышает 16 % (расчеты авторов по данным Росстата).

Есть «лобовое» — инерционное — объяснение мощности этого миграционного потока как возвратного движения людей, ранее, еще в советское время, уехавших «осваивать Север» (во многом это мнение, очевидно, сформировано под впечатлением от действительно мощного отъезда людей с Севера после крушения советской системы).

Однако любая попытка детального изучения процесса демонстрирует, что все не так очевидно, лобовых объяснений явно недостаточно, особенно сейчас, по прошествии 30 лет после распада СССР. Оказывается, что отрицательный миграционный баланс районов Крайнего Севера в целом и Российской Арктики в частности — лишь вершина айсберга, лишь внешнее статистическое проявление процесса, значительно более сложного.

В контексте нашего исследования важно, что уже в 1970-е гг. миграция между условным «севером» и «югом» (точнее, «районами Крайнего Севера», включающими не только северные, но и восточные районы страны, и «основной зоной расселения») носили двусторонний характер. Рост населения северных и восточных регионов страны, в том числе Арктики, был результатом двух встречно направленных потоков, среди которых поток «на Север», по сути, лишь немного превышал мощный встречный поток; не случайно Ж.А. Зайончковская ставила во главу угла вопрос «закрепления» мигрантов, а не усиление мер по привлечению новоселов [1972]. Проблема закрепления, задержки новоселов на Севере имеет массу экономических и культурных аспектов, которые привлекали внимание и изучались как в советский период, так и позже (подробнее, см., напр., работы Ж.А. Зайончковской [1972], В.В. Яновского [1969, с. 37], В.И. Переведенцева [2010]).

Двусторонний характер потоков сохраняется и сегодня: при попытке сравнения арктических и внеарктических городов по целому ряду параметров чуть не единственным достоверным отличием Арктики оказывается большой «размах миграций» и их большая дальность — по сравнению с внеарктическими городами [Zamyatina, Goncharov, 2018].

Качественные подходы к анализу миграций. Как показывает опыт, при любом углубленном анализе миграций их картина и объяснительные модели сразу усложняются. Разнообразные теории, предназначенные для анализа миграций качественными методами, такие как транснационализм/транслокальность, миграционные системы, ставят в центр исследовательского внимания социальные связи между людьми, проживающими в разных регионах. В свою очередь, в этой статье, опираясь на разработанные коллегами подходы, мы постараемся проанализировать транслокальные связи арктического населения и их различные антропологические и географические последствия. В качестве методического принципа мы предлагаем отказаться от изучения Арктики как изолированного региона, а напротив, перенести внимание на связи его с

другими частями страны/планеты, поставить в центр внимания не экономические, институциональные и прочие структуры, а имеющиеся у населения социальные связи с другими регионами. Этот принцип и изучение человеческих связей между Арктикой и остальными регионами страны были положены в основу всего проекта «Арктические связи: люди и инфраструктуры», по итогам которого и написана данная статья.

Одним из основных трендов в миграционных исследованиях последних лет стал отказ от рассмотрения миграций как однонаправленного процесса и представления их как перемещения из начальной точки в конечную [Levitt, Jaworsky, 2007; Greiner, Sakdarpolak, 2013]. Исследователи миграций переносят центр тяжести со статичных объектов на динамические структуры, с конечных точек на связи между ними.

Первыми на это указали исследователи транснационализма: они подчеркивают, что в современном обществе, с его уровнем развития транспорта и средств коммуникации, необходимо изучать социальные, политические и экономические связи между локальностями, а не ограничиваться только отправляющим или принимающим сообществом [Glick Schiller et al., 1992; Kearney, 1995; Levitt, Jaworsky, 2007]. Их методологический посыл — стремление уйти от концепций замкнутых сообществ, конечных пунктов приема и отправки. Суть миграции при таком подходе — не в приезде, отъезде и постоянном пребывании в конечных точках, а в циркуляции людей, идей, вещей и в последствиях, к которым она приводит. Методология транснационализма развивается и уже в середине 1990-х гг. появляется понятие транслокальности [Appadurai, 1995]. Оно стало необходимо, так как транснационализм в его первоначальном виде концентрировался на миграциях между странами, анализируя, каким образом транснациональные мигранты формируют социальные связи и поддерживают отношения одновременно в нескольких местах — в отправляющем и принимающем сообществах [Кайзер, Бредникова, 2004]. Исследователи (преимущественно социальные географы), использующие понятие транслокальности, указывали на необходимость отказа от подразумеваемой в «транснациональном» подходе идеи пересечения государственной границы [Greiner, Sakdarpolak, 2013].

Транслокальный подход представляется нам подходящим инструментом для анализа северных миграций: в большинстве рассматриваемых нами миграционных случаев пересечения государственной границы не происходит, а если отъезд в другое государство и имеет место, то принципиальной разницы в механизмах его осуществления по сравнению с миграцией внутри страны нет (более подробный обзор основных положений транснационализма и транслокальности и их критики см. в: [Капустина, Борисова, 2021]). В последние годы концепция транснационализма/транслокальности стала применяться и к Российскому Северу, сначала к вахтовикам и этнически маркированным мигрантам (см., напр.: [Капустина, 2021; Sokolov, 2016; Saxinger, 2016]), а затем и ко всему населению Арктики (см.: [Лярская и др., 2020]).

Анализ ситуации в российской Арктике с точки зрения качественных подходов к миграции. Для аналитических целей в нашем исследовании мы разделяем два типа организации механики переезда. Если организацией непосредственного переезда мигранта, предоставлением ему места работы/учебы, обеспечением его жильем и социальными благами и т.д. занимается кто-то «сверху» (обычно государство или компания), мы обозначаем эту механику как «институциональную» (сегодня таким образом чаще всего перемещаются «вахтовики»). И мы говорим о миграциях по социальным связям (или организованной «снизу») в тех случаях, когда в поисках места для переезда, его организации, в помощи при поиске жилья и работы на новом месте задействуются знакомые, родственники, сослуживцы, соседи и прочие социальные связи мигранта. В большинстве же случаев, с которыми мы сталкивались «в поле» сегодня, люди сами организовывали переезды, но при этом опирались сразу на оба вида инфраструктуры миграции, используя как «институциональную» поддержку, так и ресурс социальных связей (подробнее см. в: [Лярская и др., 2020, с. 91–92]).

В этой статье мы продолжим начатую нами с коллегами ранее работу, поскольку применение этих подходов позволяет обратить внимание, что в современных условиях жители арктических территорий часто не проводят всю свою жизнь в одном и том же месте, а перемещаются между несколькими регионами, как в течение года (поездки в отпуск, командировки, на лечение и т.д.), так и в течение жизни. Во многом это обусловлено тем, что часть их семей (это могут быть родители, дети, братья и сестры) живут за пределами Арктики. Для анализа устойчивого распределения в пространстве разных ветвей и поколений семьи, сохраняющих между собой актуальные и интенсивные связи, Е. Лярской и ее коллегами было предложено [Там же] приме-

нить понятие «распределенный образ жизни», введенное С.Г. Кордонским. Кордонский пишет: «Жизнь большинства семей России распределена между городской квартирой, дачей, погребом, сараем и гаражом... Совокупному жилью соответствует свой образ жизни, который я называю распределенным. Люди живут на два или более дома... доминирует многопоколенческий тип семьи, распределенной по разным домам — дачам, но связанной в целое распределенным образом жизни» [2000]. Особенность северных регионов состоит в том, что у многих семей есть несколько «баз» (квартир, домов) в других, часто значительно удаленных друг от друга регионах, в которых они ежегодно проводят отпуск, куда отправляют детей на отдых или где во время обучения живут дети-студенты. Жизнь северян часто распределяется не между двумя, а между тремя-четырьмя локальностями на тысячи километров разбросанными по территории страны, а иногда и за ее пределами. Расположение этих «баз» зависит главным образом от конфигурации социальных сетей каждой семьи. Вот довольно типичное высказывание, принадлежащее одной ямальской учительнице: «...я тут [на Севере] говорю детям: скоро домой на каникулы поедем, а там [на Юге] сообщаю им: “вот, когда мы домой [на Север] вернемся...”». И в итоге, вот я думаю, а где у меня дом-то оказывается? Не знаю (смеется)» (ПМА, Ямал, 2015). Как показали наши полевые материалы, люди, проживающие в Арктике, действительно порой оказываются в затруднении, пытаясь определить, где же именно они дома. Феномен эмоциональной привязанности к нескольким «домам» и следствия из него уже некоторое время обсуждаются в научной литературе (см., напр., спецвыпуск журнала *Cultural Studies* N 3:30 за 2016 г., в частности статью [Meier, Frank, 2016]).

Результатом этого распределенного образа жизни становятся регулярные перемещения людей по более-менее заданным маршрутам и при особой интенсивности этих связей появление у Северных регионов в основной зоне расселения своеобразных «регионов-партнеров», между жителями (а зачастую и фирмами которых) складывается тесная сеть контактов и обмена (один из авторов ранее предложил для таких систем понятие «Большие регионы» [Замятина, 2016]); в числе прочего в этой системе интенсифицируются и фиксируемые статистикой миграционные потоки, что позволяет обратиться к количественным исследованиям.

Методика количественного исследования

Повторяющиеся перемещения людей между отдельными регионами Севера и основной зоны расселения в России, обнаруженные антропологами, изучающими ситуацию на местах качественными методами, инициировали масштабное количественное исследование, проверяющее гипотезу о более тесных связях некоторых регионов Севера и Арктики, с одной стороны, и регионов в основной зоне расселения — с другой. Оно было предпринято в работе [Zamyatina, Goncharov, 2021] и основывалось на методике оценки миграционного индекса пространственной структуры О.Л. Рыбаковского [2009].

Для характеристики отдельных миграционных направлений (в нашем случае — пар регионов) О.Л. Рыбаковский предложил миграционный индекс пространственной (географической) структуры (МИПС) «Migration Indices of Proportionality of (spatial) Structure» выбытий, прибытий или оборота. Показатели МИПС выбытий представляют собой отношения реальных объемов межрегиональных выбытий к таким условным объемам выбытий, при которых не было бы никаких предпочтений между регионами выхода и входа мигрантов. В этом случае все частные межрегиональные объемы выбытий пропорциональны итоговому межрегиональному объему выбытий из регионов выхода мигрантов и итоговому межрегиональному объему прибытий в регионы входа мигрантов. В качестве исходных данных используется матрица миграционных потоков, предоставляемая Росстатом по запросу (в нашем случае — за 2015–2020 гг.).

Результаты количественного исследования

В итоге установлено, что абсолютно «экстраординарными» (реальный объем миграций превосходит модельный не менее чем в 2,5 раза) для районов Крайнего Севера являются [Zamyatina, Goncharov, 2021]:

— миграция из большинства районов Крайнего Севера в Калининградскую и Белгородскую области. Обе области входят в пятерку наиболее миграционно привлекательных регионов страны (наряду с Москвой и Санкт-Петербургом с соответствующими областями и Краснодарским краем), но, что интересно, и Калининградская, и Белгородская области — экстраординарные «магниты» мигрантов, по сути, только из двух источников — от ближайших соседей (в случае Калининградской области таковым можно условно считать Смоленскую область) и из рай-

онов Крайнего Севера. В случае Калининградской области очевидно тяготение к ней приморских регионов — Камчатского края, Мурманской, Сахалинской, Магаданской областей (МИПС исходящей миграции больше единицы также в Красноярском крае, Республике Коми). В отношении Белгородской области более заметна «континентальная» составляющая: она привлекательна также для мигрантов из Магаданской области и ЧАО, Камчатского края, но также и Республики Коми (главным образом речь идет о Воркуте), ЯНАО. Больше единицы МИПС выхода в Белгородскую область в Красноярском крае (Белгород — один из самых популярных направлений отъезда норильчан), Архангельской области и НАО, Якутии, ряда регионов Дальнего Востока;

— Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — Республика Дагестан (здесь сформировалась очень сложная и многоаспектная система взаимосвязей регионов, включая поставку, например, традиционных продуктов вроде баранины (см. об этом работы: [Капустина, 2014; Sokolov, 2016]);

— Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — Республика Башкортостан и Ямало-Ненецкий автономный округ — ХМАО — Югра — Республика Башкортостан (изначально связи сформировались в ходе набора рабочей силы на нефтяные промыслы в старых районах нефтедобычи в Башкортостане, но эти связи воспроизводятся и сейчас через ряд родственных, профессиональных и иных связей [Замятина, Пилясов, 2013];

— Ненецкий автономный округ — Кировская область (область, наряду с Республикой Коми, является транспортно-логистической базой освоения Ненецкого округа);

— Магаданская область — Алтайский край;

— ЯНАО — Тюменская область без автономных округов, Республика Башкортостан, Омская и Курганская области.

В нашем случае «экстраординарность» связей между парами регионов обозначает, кроме прочего, еще и тот факт, что эти миграции не имеют простых (только экономических или только исторических объяснений).

Таким образом, результаты, полученные качественными и количественными методами, согласуются между собой.

Дискуссия

Очевидно, что система миграций между Севером и Югом находится под влиянием как экономических, так и социальных факторов. В более ранних работах [Zamyatina & Yashunskii, 2017] показано (правда, на косвенных данных социальных сетей по миграциям только из Норильска), что экономические (стоимость жилья и средняя заработная плата) и географические факторы (близость мест выхода и входа мигрантов) объясняют значительное число случаев миграции — и в то же время есть направления, необъяснимо популярные: например, «слишком многолюдные» миграции из Норильска в Белгород. «Необъяснимость» миграций, в частности, в Белгород только экономическими факторами неоднократно констатировалась исследователями [Мкртчян, 2004; Вакуленко, 2013]. Группа студентов и сотрудников географического факультета МГУ провела специальное исследование, посвященное «белгородскому феномену», которое показало, что данный феномен во многом обусловлен именно влиянием социальных факторов (институциональных и социальных сетей поддержки миграции) [Замятина и др., 2019].

Обратим внимание, что формирование «связанных» регионов, во многом основанных на работе социальных связей между их жителями, происходило в разное время. Одни появились на свет еще в эпоху советского освоения (Север Коми — Донбасс, Ямал — Башкирия и т.д.), другие, как пара Норильск — Белгород, стали интенсивно формироваться вследствие распада СССР, который модифицировал уже имевшиеся связи между Севером и Украиной. Именно близость к Украине, откуда многие северяне были изначально, оказалась одним из важных факторов, влияющим на выбор Белгорода как направления миграции. Эта близость стала особенно значимой после распада СССР: переезжая в Белгород, жители Севера могли одновременно и оказаться ближе к «своим», и остаться в российской юрисдикции (см., напр.: [Лярская и др., 2020, с. 127; Замятина и др., 2019; Istomin, 2021]).

Как показывают исследования, есть и такие «связанные» регионы, существование которых не может быть объяснено советским наследием, так как они начали формироваться значительно позже распада СССР, например пара ЯНАО — Курганская область. Согласно нашим полевым материалам, массовая миграция квалифицированных специалистов (в первую очередь это были учителя и бухгалтеры) из Курганского региона на Ямал началась в конце 1990-х гг. Первые из них еще ехали, по их воспоминаниям, «в никуда», «от безвыходности» и просто рассы-

Люди Арктики в пространстве России: междисциплинарные подходы к транслокальным сообществам

лая свои резюме по организациям округа и надеясь на удачу. Потом, устроившись на работу, эти люди по классической схеме стали проводниками для новых волн миграций: помогали искать работу своим родственникам, коллегам, друзьям и землякам, их дома становились базой для только что приехавших и находящихся в поиске жилья и работы. Постепенно выходцы из Кургана появились практически во всех городах и селах региона, курганские учителя стали характерной чертой ямальских школ, а связи между регионами все крепили. Сегодня среди переезжающих на Север можно встретить уже представителей разных профессий и возрастов, появились уже не только дети, едущие с родителями зимой на Север, а летом на юг, но даже бабушки и дедушки, живущие на два региона. На сегодняшний день этот поток настолько интенсивен, что человек, переехавший к своим родственникам на Ямал после учебы в курганском вузе, повсюду обнаруживает земляков: одноклассников, однокурсников, друзей своих родителей, соседей по двору и т.д. В результате в округе за последние десятилетия сформировалась мощная курганская диаспора, налаживаются каналы доставки локальных продуктов, передачи посылок, отправки детей к родственникам на каникулы и учебу, и прочая «мигрантская» инфраструктура; и здесь мы снова фиксируем людей, живущих больше чем в одном регионе одновременно (подробнее о курганской миграции на Ямал см.: [Лярская и др., 2020, с. 123–125]).

Опираясь на этот и другие примеры, мы можем утверждать, что сети социальной поддержки, в которые включены жители конкретного северного региона, влияют друг на друга и — в случае географического совпадения направления взаимодействия — усиливают друг друга. Поскольку миграции между Севером и Югом связаны и укоренены в сетях социальной поддержки, по некоторым географическим направлениям формируются целые «жгуты», совокупности взаимоусиливающих сетей социальной поддержки; с точки зрения экономической и экономико-географической терминологии наблюдается агломерация потоков: потоки людей, информации и вещей по совпадающим направлениям усиливают друг друга. На карте это взаимоусиление потоков проявляется как более интенсивные миграционные обмены между некоторыми парами регионов (рис.).

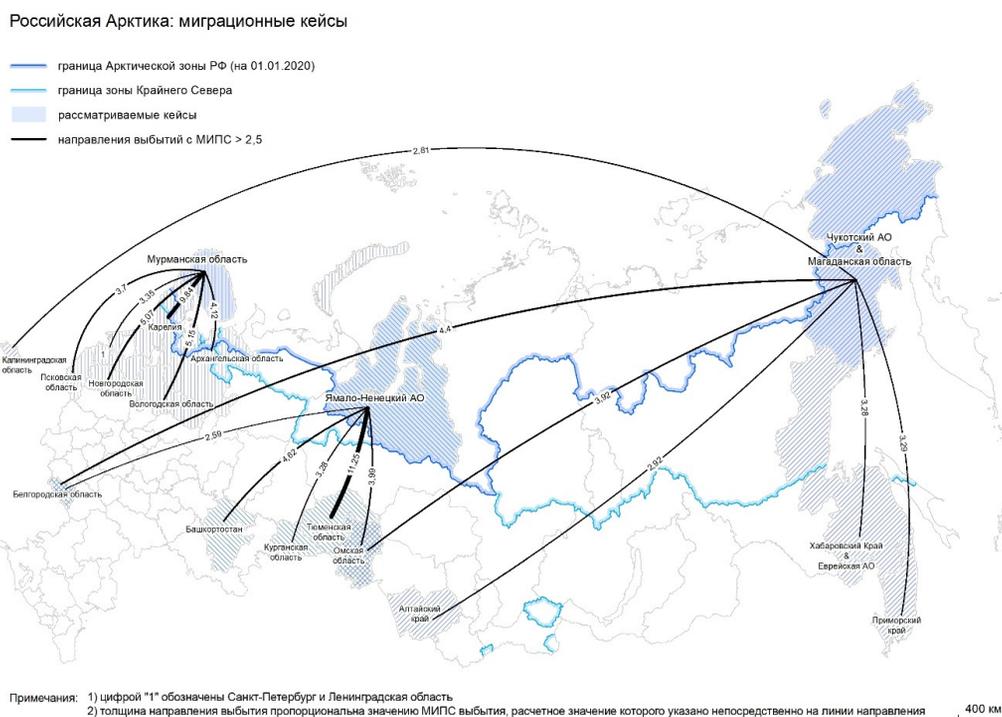

Рис. Пример проявления «необъяснимо» межрегиональных миграционных потоков, сформированных, по-видимому, на базе сетей взаимной поддержки (перевод на русский язык карты из работы: [Zamyatina, Goncharov, 2021]).

Fig. An example of the manifestation of “inexplicably” distant interregional migration flows formed, apparently, on the basis of mutual support networks. Source: translation into Russian of the map from the paper: [Zamyatina, Goncharov, 2021].

Отчасти эти связи могут возникать случайно, подобно агломерационному эффекту — одной из самых востребованных тем в современной региональной экономике (см., напр.: [Fujita et al., 1999]). Согласно этой концепции, возрастающая отдача заставляет экономическую активность «по нарастающей» концентрироваться в раз возникших точках притяжения, в городских агломерациях [Krugman, 1991]. Однако они, по сути, останавливаются на объяснении в какой-то степени «застывшего» агломерационного эффекта. Однако если мы сместим фокус от мест на сами потоки, мы увидим, что в «пространстве потоков» (space of flows — [Castells, 2004]) воздействие проявляется в не меньшей степени. Речь идет о явлении, абсолютно аналогичном агломерационному эффекту: раз открывшееся (возможно, даже случайно) направление перемещений в силу принципа возрастающей отдачи оказывается более удобным для последующих перемещений — например, благодаря возможной помощи мигрантов-пионеров для движущихся за ними земляков (агломерация потоков).

Другой методологический подход, позволяющий глубже понять сильные миграционные связи дальних регионов, — концепция близости (proximity — см.: [Boschma, 2005; Torre, Wallet, 2014]; обзор темы см.: [Замятина, Пилясов, 2017]). Это концепция широко применяется во французской и нидерландской школах экономической географии — главным образом для объяснения процессов распространения инноваций — и нацелена на понимание предпосылок формирования разного рода взаимодействий, особенно перетоков знания и информации. Неравномерность пространства с точки зрения факторов, упрощающих взаимодействие (социальные сети, схожая институциональная среда или когнитивные установки и др.), формирует неравномерность реальных взаимодействий. В контексте нашей статьи примечательно, что отсутствие пространственной близости (физическая удаленность в пространстве) с точки зрения возможностей передачи нововведения может быть компенсировано плотностью социальных контактов (социальная близость), профессиональными отношениями в рамках одной транснациональной компании (организационная близость) и др. В контексте изучения развития российской Арктики интересна тема так называемой временной близости (по Торре) — тесных социальных контактов в ограниченный период времени. Здесь нельзя не провести параллель с информационной ролью длительного северного отпуска, существующего в России.

Отметим, что этот феномен можно увидеть и изучать только при применении междисциплинарных подходов, привлекая социологические, антропологические, экономические и географические методы. Лишь в этом случае можно обнаружить, как мощные социальные, информационные и экономические взаимосвязи формируются вопреки дальности расстояний². То же мы можем сказать об идентичностях и социальных организациях, существующих поверх географических пространств. Точно так же только сочетание междисциплинарных подходов помогает объяснить, почему такие транслокальные связи все же развиваются по избранным направлениям, связывая «жгутами» множественных взаимодействий лишь отдельные пары локаций, а не покрывают более-менее равномерной паутиной всю территорию страны.

Если подойти к данному феномену более детально, то можно увидеть еще более сложные междисциплинарные проблемы. Так, например, обратим внимание на то, что транслокальные связи концентрируются только по избранным направлениям, причем сложившиеся, допустим, социальные связи постепенно обрастают институциональными (и наоборот) — это явление, как уже говорилось, сущностно близкое агломерационному эффекту в формировании сгустков поселений. В основе лежит эффект так называемой возрастающей отдачи, когда уже сложившаяся концентрация (в нашем случае — миграционных потоков, в случае городских агломераций — концентрация населения) делает буквально экономически более выгодным усиление сложившейся структуры, а не формирование миграционных потоков по новым направлениям (миграции) и новых населенных мест (сеть расселения). Исходные условия формирования концентрации миграционных потоков — конфигурация межрегиональных социальных сетей на какой-то условный начальный момент миграции — тоже может быть изучена с разных сторон.

Говоря о сложном явлении транслокальных связей «Север — Юг», нельзя не упомянуть и работы, посвященные похожему феномену собственно в миграционных исследованиях. Правда, узкомиграционный подход к объяснению тесных миграционных связей между дальними регионами, как ни парадоксально, сужает и обедняет тему: здесь миграции лишь относительно легко проявляющаяся в статистике «верхушка айсберга», за которой скрыты многоаспектные

² Своего рода «смерть географии» — известный концепт, отражающий представление о том, что с развитием современных коммуникаций роль расстояния в формировании неравномерности человеческой деятельности в пространстве будет отмирать.

связи: информационные и даже товарные потоки, тесные социальные сети. И тем не менее параллели, конечно, есть: изученное явление похоже на так называемую территориальную миграционную систему — с той разницей, что термин «миграционные системы» обычно применяют к межстрановому уровню анализа (обзор развития данной концепции представлен в работе М.С. Савоскул [2015]). «Появление миграционных систем объясняется историческими связями между странами, входящими в систему. Это могут быть колониальные, торговые, исторические, политические и культурные связи между странами. ...Макроструктуры миграционной системы включают в себя межгосударственные отношения, принципы действия мирового рынка, институциональные структуры и юридические практики государств... Микроструктуры миграционной системы представляют неформальные социальные сети, формируемые самими мигрантами ... Современные исследователи подчеркивают роль культурного капитала (информация о стране миграции, возможности организации переезда, поиск работы, адаптация в новом социальном окружении) на первых стадиях миграционного процесса. Неформальные сети мигрантов обеспечивают жизненно важные ресурсы для отдельных мигрантов и их групп, сети можно изучать с точки зрения социального капитала» [Савоскул, 2015, с. 12].

В случае Крайнего Севера России — хотя его районы, безусловно, вовлечены и в международные системы миграции — наблюдается очень похожее явление. На макроуровне функционирование систем социальных связей между северными и несевверными регионами поддерживается институциональными нормами — в частности, практикой оплаты проезда к месту проведения отпуска (что, безусловно, способствует сохранению и усилению социальных сетей между Крайним Севером и регионами за его пределами). На микроуровне же мы имеем классические уже упомянутые сети социальной поддержки, включающие многочисленные реципрокные обмены товарами и услугами — в частности, например, возможность пожить в квартире родственника или знакомого в другом регионе страны.

Выводы

Если мы переносим фокус исследовательского внимания с стационарных точек и каузальных объяснений на динамические связи и процессы, то описание миграции как однократного (или многократного) перемещения из одной точки в другую может быть заменено концепцией распределенного образа жизни. Рассмотренные таким образом миграционные процессы обуславливаются и соответственно проявляют наличие плотной социальной сети в рамках «больших регионов». С этой точки зрения арктические миграции — сложная система, включающая культурные, социальные и экономические аспекты, причем система трансрегиональная, вовлекающая в процесс обживания Арктики многих жителей южных регионов через семейные и профессиональные связи, отношения собственности, обучения и трудоустройства и т.д.

Между Арктикой и всей остальной страной поддерживаются постоянные и интенсивные связи. Регулярные поездки в другие регионы связывают Арктику с остальной Россией, препятствуя изоляции этих территорий, и часто мобильность служит компенсацией удаленности [Bolotova et al., 2017]. Во многом благодаря индивидуальным связям Север интегрирован в российское экономическое и социальное пространство (а также в пространство ближнего зарубежья) не только одной «газовой трубой». При этом важно, что, постоянно перемещаясь, люди привозят различные технические новинки, моды, идеи, формы досуга — все, что может быть относительно легко, беспрепятственно доставлено в Арктику. Согласно нашим полевым материалам, многое — от GPS-навигаторов, современных снегоходов, трэколов и спутниковых телефонов до модной одежды, настольных игр и антикафе, — все это попадает на Север почти сразу же после появления в столицах (подробнее о различных стратегиях компенсации «дефицитов» в Арктике см.: [Васильева, Гаврилова, 2022 (в печати)]).

Таким образом, сети социальной поддержки формируют мощные многоаспектные связи между удаленными в пространстве регионами — они проявляются в потоках информации и идей, продуктов и товаров, в сложной конфигурации перемещений людей в разных направлениях как в течение года, так и в ходе жизни, опирающихся на ранее сформированные социальные сети, в выборе вузов для поступления абитуриентов и отчасти в выборе деловых партнеров. Обычно такие связи формируются на относительно близком расстоянии, например между областным центром и ближайшей его периферией. Однако специфика Севера порождает такие же тесные связи, но протянутые на тысячи километров. Эти связи, пролегая в экономическом, социальном, культурном, личном и воображаемом пространствах, создают из отдаленных в пространстве пар «северных» и «несеверных» регионов России единое целое.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта «Арктические связи: люди и инфраструктуры» (грант РФФИ № 18-05-60108, 2018–2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зайончковская Ж.А.* Новоселы в городах: Методы изучения приживаемости. М.: Статистика, 1972. 164 с.
- Замятина Н.Ю.* Большие регионы на Севере: Как периферийность компенсируется социальными связями // *Сибирь: Контексты настоящего: Сборник материалов междунар. конференций молодых исследователей Сибири / Центр независимых социальных исследований.* Иркутск, 2016. С. 165–196.
- Замятина Н., Пилясов А.* Север, социальные сети и диаспора наоборот // *Демоскоп Weekly.* 2013. № 547–548. С. 18–25.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Концепция близости: Зарубежный опыт и перспективы применения в России // *Известия Российской академии наук. Сер. геогр.* 2017. № 3. С. 8–21. <https://doi.org/10.7868/S037324441703001X>
- Замятина Н.Ю., Елманова Д.С., Потураева А.В., Акимова В.В., Алов И.Н., Киселев И.В., Ловягин К.Д., Мацур В.А., Нененко А.В., Петрова А.Н., Плеханов И.В., Ряпухина В.Н., Хусаинова А.С.* Особенности миграционной ситуации в Белгородской области: Факторы повышенной привлекательности территории для мигрантов из северных регионов России // *Вестник МГУ. Сер. 5, География.* 2019. № 5. С. 97–107.
- Кайзер М., Бредникова О.* Транснационализм и транслокальность: (Комментарии к терминологии) // *Миграция и национальное государство.* СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133–146.
- Капустина Е.Л.* Собственность на север: Мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири: (На примере ситуации в г. Сургут) // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2014. № 5. С. 158–176.
- Капустина Е.Л.* «Самый северный Кавказ»: Особенности организации транслокальной жизни мигрантов из Дагестана в Западную Сибирь // «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 374–439.
- Капустина Е., Борисова Е.* Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 14–29.
- Кордонский С.* «В реальности» и «на самом деле» // *Логос.* 2000. Т. 26. № 5/6. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_07.htm (дата обращения: 13.10.2020).
- Кумо К.* Миграция населения в постсоветской России // *Экономическая наука современной России.* 2007. № 2. С. 132–145.
- Лярская Е., Васильева В., Карасева А.* Уехать и остаться: социальная механика северных миграций // *Дети девяностых в современной Российской Арктике.* СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2020. С. 79–138.
- Мкртчян Н.В.* «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // *Отечественные записки.* 2004. № 4 (19). С. 94–104. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/zapadnyy-dreyf-vnutrirossiyskoy-migracii>.
- Переведенцев В.И.* Миграция в ритме времени: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2010. 79 с.
- Савоскул М.С.* Территориальные системы международных миграций населения // *Вестник МГУ. Сер. 5, География.* 2015. № 6. С. 11–18.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Залевский В.А.* Население северных регионов: От количественных показателей к качественному измерению. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа; Вып. 17).
- Яновский В.В.* Человек и Север. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1969. 160 с.
- Appadurai A.* The Production of Locality // *Counterworks. Managing the Diversity of Knowledge.* L.: Routledge, 1995. P. 204–225.
- Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V.* Mobility and Sense of Place among Youth in the Russian Arctic // *Sibirica.* 2017. Vol. 16. No. 3. P. 77–123. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160305>
- Boschma R.* Proximity and Innovation: A Critical Assessment // *Regional Studies.* 2005. Vol. 39. No 1. Pp. 61-74.
- Castells M.* “An Introduction to the Information Age” // *The Information Society Reader.* L.; N. Y.: Routledge, 2004. P. 138–49.
- Fujita M., Krugman P., Venables A.J.* The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. The MIT Press, 1999. 367 p.
- Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C.* Towards a Transnational Perspective on Migration. N. Y.: Annals of New York Academy of Science, 1992. P. 1–24.
- Greiner C., Sakdarpolak P.* Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives // *Geography Compass.* Vol. 7. Iss. 5. 2013. P. 373–384.
- Heleniak T.E.* Migration from the Russian North during the transition period. SP Discussion paper. World bank. № 9925. September 1999.
- Heleniak T.E.* The role of attachment to place in migration decisions of the population of the Russian North // *Polar Geography.* 2009. Vol. 32. № 1–2, March-June. P. 31–60.
- Istomin K.V.* “Who would want to lay down into the permafrost?": An attempt to explain differences in migration rates, strategies and attitudes in two Russian northern cities, *Acta Borealia.* 2021. 38:2. P. 104–130. <https://doi.org/10.1080/08003831.2021.1980686>

Люди Арктики в пространстве России: междисциплинарные подходы к транслокальным сообществам

Kearney M. The Local and the Global: The Anthropology of Globalization and Transnationalis // Annual Review of Anthropology. 1995. Vol. 24. P. 547–565.

Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. No. 3. P. 483–499.

Kumo K., Litvinenko T. V. Instability and stability in the population dynamics of Chukotka and its settlements in the post-soviet period: Regional features and intraregional and local differences // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 71–85. <https://doi.org/10.31857/S2587-556620196107-125>

Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // Annual Review of Sociology. 2007. Vol. 33. P. 129–156.

Meier L., Frank S. Dwelling in mobile times: places, practices and contestations // Cultural Studies. 2016. 30:3. P. 362–375. <https://doi.org/10.1080/09502386.2015.1113630>

Saxinger G. Infinite Travel: The Impact of Labor Conditions on Mobility Potential in the Northern Russian Petroleum Industry // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions. Routledge, 2016. P. 101–146.

Sokolov D. Ugra, the Dagestani North: Anthropology of Mobility between the North Caucasus and Western Siberia // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions Routledge, 2016. P. 192–209.

Torre A., Wallet F. (eds.) Regional Development and Proximity Relations. UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2014. 376 p.

Zamiatina, N., Yashunskii A. "Migration Cycles, Social Capital, and Networks: A New Way to Look at Arctic Mobility" // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions. L.: Routledge, 2017. P. 59–84.

Zamyatina N., Goncharov R. Population mobility and the contrasts between cities in the Russian Arctic and their Southern Russian counterparts // Area Development and Policy. 2018. No. 3. P. 293–308. <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1500863>

Zamyatina N., Goncharov R. "Agglomeration of flows": Case of migration ties between the Arctic and the Southern regions of Russia // Regional science policy and practice. 2021. 1–23. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12389>

ИСТОЧНИКИ

Вакуленко Е.С. Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований: Дис. ... канд. экон. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 239 с.

Васильева В.В., Гагрилова К.А. Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки // Антропологический форум. 2022. № 54. (В печати).

Рыбаковский О.Л. Миграция населения между регионами: совершенствование методологии анализа: Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 335 с.

Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ.

Zamyatina N.Yu.^a, Liarskaya E.V.^{b,*}

^a Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, GSP-1, Moscow 119991, Russian Federation

^b European University at St. Petersburg
Gagarinskaya st., 6/1A, St. Petersburg, 191187, Russian Federation
E-mail: zamyatina@geogr.msu.ru (Zamyatina N.Yu.); rica@eu.spb.ru (Liarskaya E.V.)

The people of the Arctic in the space of Russia: interdisciplinary approaches to the translocal communities

The paper is based on the results of the "Arctic connections: people and infrastructures" project (2018–2021) which was aimed at interdisciplinary study of modern population of the Arctic zone of the Russian Federation. The paper is focused on the study of social support networks and their spatial distribution. We combine socio-anthropological (qualitative) and economic-geographical (quantitative) methods of research and analysis; the field data obtained as the result of in-depth interviews and observation of the participants were corroborated by rigorous quantitative analysis of available demographic data. For the anthropological analysis we use the prism of translocality and transnationalism, which enable an understanding of the structure of lives of people who do not reside in only one place but are connected by many ties and relationships to a whole range of localities. The family life of the northerners is often distributed between several localities, scattered across the whole country, and sometimes beyond its borders. The location of these 'bases' depends primarily on the configuration of each family's social networks. We call this 'a distributed way of life'. The quantitative analysis was carried out using the

* Corresponding author.

methodology of calculating the Migration Indices of Proportionality of (spatial) Structure (MIPS) of departures and arrivals of the migrants, proposed by O.L. Rybakovsky. The geographical scope of the study is the entire Arctic zone of the Russian Federation, as well as the regions most connected with the Arctic by migration ties (the southern part of the Tyumen region, Kurgan, Kaliningrad, Belgorod, Kirov Regions, etc.). The results of the study revealed close interregional migration ties between the groups of regions that are significantly spatially separated from each other: 1) between the majority of the regions of the Far North, on one hand, and Kaliningrad and Belgorod Regions on the other; 2) between Khanty-Mansi Autonomous Okrug and the Republics of Dagestan and Bashkortostan; 3) between Yamalo-Nenets Okrug and the Republic of Bashkortostan and the Omsk and Kurgan regions, as well as the south of the Tyumen Region; 4) between Nenets Autonomous Okrug and Kirov Region. The qualitative studies have shown how the migration flows in these areas increase due to established social ties, which in some cases are sustained already for several generations. In the paper, the importance of the influence of interregional social ties, both for the Arctic and for the country in general, is demonstrated. The authors demonstrate how these connections between the “northern” and “non-northern” regions, which are separated by about a 1000 km distance, lead to such close relations which are more characteristic of relationships between a population center and its nearest periphery. This ultra-distant social proximity is a vivid manifestation of the specifics of the Russian North and Arctic.

Keywords: Arctic, migrations, translocal communities, agglomeration of flows, proximity.

REFERENCES

- Appadurai, A. (1995). *The Production of Locality. Counterworks. Managing the Diversity of Knowledge*. London: Routledge, 204–225.
- Bolotova, A., Karaseva, A., Vasilyeva, V. (2017). Mobility and Sense of Place among Youth in the Russian Arctic. *Sibirica*, 16(3), 77–123. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160305>
- Boschma, R. (2005). Proximity and Innovation: A Critical Assessment. *Regional Studies*, 39(1), 61–74.
- Castells, M. (2004). “An Introduction to the Information Age”. In: *The Information Society Reader*. London and New York: Routledge, 138–49.
- Fauzer, V.V., Lytkina, T.S., Fauzer, G.N., Zalevskiy, V.A. (2016). *The population of the northern regions: from quantitative indicators to qualitative measurement*. Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina. (B-ka demografa; Vyp. 17). (Rus.).
- Fujita, M., Krugman, P., Venables, A.J. (1999). *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. The MIT Press.
- Glick Schiller, N., Bash, L., Szanton-Blanc, C. (1992). *Towards a Transnational Perspective on Migration*. New York: Annals of New York Academy of Science.
- Greiner, C., Sakdarpalak, P. (2013). Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives. *Geography Compass*, 7(5), 373–384.
- Heleniak, T.E. (1999). Migration from the Russian North during the transition period. *SP Discussion paper. World bank*, (9925), September.
- Heleniak, T.E. (2009). The role of attachment to place in migration decisions of the population of the Russian North. *Polar Geography*, 32(1–2), March-June, 31–60.
- Istomin, K.V. (2021). “Who would want to lay down into the permafrost?”: An attempt to explain differences in migration rates, strategies and attitudes in two Russian northern cities. *Acta Borealia*, 38(2), 104–130. <https://doi.org/10.1080/08003831.2021.1980686>
- Kayzer, M., Brednikova, O. (2004). Transnationalism and translocality: (Comments on terminology). In: *Migratsiya i natsionalnoye gosudarstvo*. St. Petersburg: TsNSI, 133–146. (Rus.).
- Kapustina, E.L. (2014). Ownership on the north: migrants from Dagestan and developing of urban space in Western Siberia (case study of Surgut). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, (5), 158–176. (Rus.).
- Kapustina, E.L. (2021). “The Northernmost Caucasus”: Features of the organization of translocal life of migrants from Dagestan to Western Siberia. In: *«Zhit v dvukh mirakh»: Pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokalnost*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 374–439. (Rus.).
- Kapustina, E., Borisova, E. (2021). Overview of the theoretical discussion on the concept of transnationalism. In: *«Zhit v dvukh mirakh»: Pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokalnost*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 14–29. (Rus.).
- Kearney, M. (1995). The Local and the Global: The Anthropology of Globalization and Transnationalism. *Annual Review of Anthropology*, (24), 547–565.
- Kordonskiy, C. (2000). “In reality” and “in fact”. *Logos*, 26 (5–6). (Rus.). URL: https://ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_07.htm
- Krugman, P. (1991). Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499.
- Kumo, K. (2007). Population Shift in the Postsoviet Russia. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, (2), 132–145. (Rus.).
- Kumo, K., Litvinenko, T.V. (2020). Instability and stability in the population dynamics of Chukotka and its settlements in the post-soviet period: Regional features and intraregional and local differences. *Regional Research of Russia*, 10(1), 71–85. <https://doi.org/10.31857/S2587-556620196107-125>

Люди Арктики в пространстве России: междисциплинарные подходы к транслокальным сообществам

Levitt, P., Jaworsky, B.N. (2007). Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends. *Annual Review of Sociology*, (33), 129–156.

Lyarskaya, E., Vasilyeva, V., Karaseva, A. (2020). Leaving and remaining: the social mechanics of northern migration. In: *Deti devyanostykh v sovremennoy Rossiyskoy Arktike*. St. Petersburg: Izdatelstvo EU SPb, 79–138. (Rus.).

Meier, L., Frank, S. (2016). Dwelling in mobile times: Places, practices and contestations. *Cultural Studies*, 30(3), 362–375. <https://doi.org/10.1080/09502386.2015.1113630>

Mkrtchyan, N.V. (2004). “Western drift” of internal Russian migration. *Otechestvennyye zapiski*, 19(4), 94–104. (Rus.). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/zapadnyy-dreyf-vnutrirossiyskoy-migracii>.

Perevedentsev, V.I. (2010). Migration in the rhythm of time. Moscow: MAKS Press. (Rus.).

Savoskul, M.S. (2015). Territorial systems of the international migrations of population. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, (6), 11–18. (Rus.).

Saxinger, G. (2016). Infinite Travel: The Impact of Labor Conditions on Mobility Potential in the Northern Russian Petroleum Industry. In: *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. Routledge, 101–146.

Sokolov, D. (2016). Ugra, the Dagestani North: Anthropology of Mobility between the North Caucasus and Western Siberia. In: *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions Routledge*, 192–209.

Torre, A., Wallet, F. (Eds.) (2014). *Regional Development and Proximity Relations*. UK and Northampton, MA, USA: Edward Elga.

Yanovskiy, V.V. (1969). *Man and the North*. Magadanskoye knizhnoye izdatelstvo. (Rus.).

Zamyatina, N.Yu. (2016). Large regions in the North: how peripherality is compensated by social connections. In: *Sibir: Konteksty nastoyashchego: Sbornik materialov mezhdunarodnykh konferentsiy molodykh issledovateley Sibiri*. Irkutsk. (Rus.).

Zamyatina, N., Pilyasov, A. (2013). The North, social networks and the diaspora on the contrary. *Demoskop Weekly*, (547–548). (Rus.).

Zamyatina, N.Yu., Pilyasov, A.N. (2017). Concept of proximity: Foreign experience and prospects of application in Russia. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, (3), 8–21. (Rus.). <https://doi.org/10.7868/S037324441703001X>

Zamiatina, N., Yashunskii, A. (2017). “Migration Cycles, Social Capital, and Networks: A New Way to Look at Arctic Mobility”. In: *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. London: Routledge, 59–84.

Zamyatina, N.Yu., Elmanova, D.S., Poturayeva, A.V., Akimova, V.V., Alov, I.N., Kiselev, I.V., Lovyagin, K.D., Matsur, V.A., Nenenko, A.V., Petrova, A.N., Plekhanov, I.V., Ryapukhina, V.N., Khusainova, A.S. (2019). Specific features of migration situation in the Belgorod region: Factors of increased attractiveness for migrants from the northern regions of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, (5), 97–107. (Rus.).

Zayonchkovskaya, Zh.A. (1972). *Settlers in cities*. Moscow: Statistika. (Rus.).

Zamyatina, N., Goncharov, R. (2018). Population mobility and the contrasts between cities in the Russian Arctic and their Southern Russian counterparts. *Area Development and Policy*, (3), 293–308. <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1500863>

Zamyatina, N., Goncharov, R. (2021). “Agglomeration of flows”: Case of migration ties between the Arctic and the Southern regions of Russia. In: *Regional science policy and practice*, 1–23. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12389>

Замятина Н.Ю., <https://orcid.org/0000-0002-4941-9027>

Ляская Е.В., <https://orcid.org/0000-0001-6430-3308>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.03.2022

Article is published: 15.06.2022